Предисловие

Предлагаемый вниманию читателя Альманах был задуман еще в середине 1991 года как периодическое издание Международного центра исследований экономических реформ, в котором предполагалось освещать ключевые теоретические проблемы перехода к рынку стран с административно-командной экономикой. Непосредственной базой анализа должны были служить межстрановые сопоставления хода либеральных экономических реформ не только в Восточной Европе, но также в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии.

Обстоятельства не позволили в то время реализовать этот замысел. Провал августовского путча и формирование осенью 1991 года нового правительства России, к работе которого были привлечены многие ведущие сотрудники и члены Ученого совета Центра, отвлекли нас от работы над Альманахом.

И вот теперь появилась, кажется, возможность вернуться к первоначальному замыслу, тем более что правительством Е.Гайдара были наконец сделаны первые практические шаги по пути радикальных рыночных реформ в нашей стране. Накопленный в России опыт позволяет, по нашему мнению, по-новому взглянуть на многие теоретико-экономические вопросы. Однако наряду с работами, основанными на новейших материалах, нам представляется небезынтересным опубликовать некоторые статьи, подготовленные год назад.

Особенно ценна в этом отношении статья Е.Гайдара, представляющая собой вводную часть большого исследования, работа над которым велась летом 1991 года и которое так и остается пока незавершенным. Здесь затронуты ключевые проблемы, тенденции и противоречия трудного пути к эффективной рыночной экономике, дающие основу для понимания тех сложных процессов, которые разворачиваются в России в настоящее время. Мы решили ничего не менять в этой статье, поскольку ни слово "СССР" вместо слов "Россия" или "СНГ", ни обновленные цифры не меняют ее концептуального характера.

Представляется, что читателю будет полезно познакомиться с работой В.Мау и И.Стародубровской, в которой содержится анализ современной экономико-политической ситуации. Он имеет в своем основании две предпосылки. Во-первых, признание революционного по сути характера процесса преобразований, начатого в 1985 году и названного вскоре "перестройкой". Во-вторых, гипотезу о наличии определенных закономерностей революционного процесса, о последовательном прохождении им четырех фаз (этапов), различающихся между собой особенностями реализуемых задач, композицией социальных сил, формами и механизмами осуществления политической власти.

Остальные статьи посвящены анализу текущей экономической ситуации. Работа Е.Журавской и А.Радыгина уделяет особое внимание законодательной базе процесса приватизации, необходимой для формирования эффективной системы прав собственности.

Несомненный практический интерес представляет анализ налоговой и бюджетной политики 1991-1992 годов, который содержится в работе С.Синельникова. В ней прослежено состояние государственных финансов в неразрывной связи с важнейшими макроэкономическими процессами и общеполитической ситуацией.

Статья Ю.Бобылева и А.Чернявского позволит читателю лучше понять проблемы, связанные с иностранными инвестициями в экономику России. Здесь рассмотрены приоритетные направления возможных зарубежных капиталовложений в различные отрасли нашей экономики. Особое внимание уделено количественной оценке необходимых объемов иностранных инвестиций в нефтяную промышленность.

Работа И.Колосницина посвящена анализу состояния потребительского рынка в период реформы. Читателю будет небезынтересно познакомиться со взглядом профессионала на такую проблему, как соотношение доходов, расходов и сбережений населения, проследить изменения в структуре потребления различных социальных слоев, оценить воздействие утверждающегося ценового механизма распределения товаров и услуг.

Во второй части Альманаха мы хотим познакомить читателя с программами и оценками хода реформ экспертов Правительства РФ и различных научных институтов. Здесь мы поместили краткое неофициальное изложение Программы углубления реформ, которое предоставлено нам Рабочим центром экономических реформ при Правительстве Российской Федерации.

В докладе, подготовленном группой сотрудников Института экономики и Института Латинской Америки РАН, рассматривается институциональный и структурный аспект реформ, проводимых Россией, в связи с опытом различных стран мира.

Работа ЦЭМИ РАН "Теория и практика экономических реформ" посвящена разработке оригинальной концепции функционирования рынка на основе теории маржинализма.

В заключение хотелось бы сказать, что мы не старались придать Альманаху узко экономическую направленность и в следующих выпусках будем помещать статьи ведущих социологов и политологов.

К Альманаху выпускается также приложение, посвященное анализу законодательных документов в различных областях экономической жизни. Первый выпуск, вышедший в свет в августе 1992 года, рассматривает проблемы регулирования внешнеэкономической деятельности в России.

ЧАСТЬ I

Е. ГАЙДАР

ТРУДНЫЙ ПУТЬ ОТ СОЦИАЛИЗМА

Сконцентрировавший в себе первые демократические выборы в СССР, Польше и Венгрии, мирные революции в Чехословакии, ГДР и Болгарии, трагические декабрьские события в Румынии - 1989 год радикально изменил политический ландшафт огромного региона. Эпоха всевластия коммунистических структур отошла в прошлое, идеологические препятствия, столь долго стоявшие на пути рыночных реформ и развития частного предпринимательства, были решительно отброшены. Однако в 1990 году в СССР и странах Восточной Европы началось падение производства - резкое и повсеместное (Болгария - на 10,2%, Венгрия - 6,5, Румыния - 10,2, Польша - 14, Чехословакия - 3,5%).

В международных финансовых организациях распространяется убеждение, что в названных странах в лучшем случае лишь к концу девяностых годов удастся восстановить объем производства 1989 года. Хотя мало кто из серьезных специалистов полагал, что трансформация социалистических хозяйственных систем будет легкой и безболезненной, масштабы обозначившихся проблем оказались неожиданными не только для общественности, но и для первых посткоммунистических правительств, их экономических советников. При всей, во многом справедливой, критике половинчатости, непоследовательности рыночно ориентированных реформ, не выходивших за рамки иерархической экономики, к падению производства они, как правило, не приводили. В случае же успеха временно подстегивали темпы роста, позволяли улучшить положение на потребительском рынке, способствовали развитию мелкого частного предпринимательства.

Трудно спорить с Я.Корнаи, давно обратившим внимание на принципиальную разницу между реформами в рамках системы и системной трансформацией[1]. Но что различия окажутся столь болезненными и неприятными, до 1990 года было отнюдь не очевидно.

Казалось бы, против вероятности такого хода событий надежно свидетельствовал и азбучный, изъезженный пропагандой, но не потерявший убедительности опыт разделенных государств (Германия, Китай, Корея).

На фоне заката социалистических экономик, явно утративших к концу восьмидесятых годов динамизм и способность к развитию, твердый и решительный разрыв с прошлым, последовательный поворот к институтам и ценностям победившего в хозяйственном соревновании капитализма никак не ассоциировались в общественном сознании с перспективой многолетней стагнации.

Анализируя динамику ситуации в отдельных странах, можно, разумеется, выявить механизмы, обусловливающие падение производства в каждом конкретном случае (отметить неизбежность платы за остановку гиперинфляции в Польше, завышенные социальные ожидания в бывшей ГДР, оценить макроэкономические последствия падения добычи энергоносителей в СССР). Можно вспомнить о том, что часть продукции и до 1990 года существовала лишь на бумаге или просто была не нужна никому, кроме вышестоящих органов управления. Но масштабы и сходный в принципиальных моментах характер проблем, с которыми сталкиваются постсоциалистические страны, заставляют посмотреть на углубляющийся кризис с более широких позиций, попытаться понять природу преград на пути хозяйственного развития, оставленных в наследство иерархической экономикой.

I

Универсализация значимости текущих социально-экономических процессов, попытки сделать глобальные выводы на основе исторически краткосрочного опыта - опасный путь, приводящий к серьезным ошибкам даже проницательных наблюдателей. Когда К.Маркс писал о грядущем углублении социального неравенства, он мог опереться лишь на реальный процесс роста дифференциации доходов в Англии в первой половине XIX века[2]. Перед глазами И.Шумпетера[3] и Ф.Хайека[4], с беспокойством обсуждавших безрадостные перспективы капитализма и либеральных ценностей, стояли "великая депрессия", революция в России и триумф фашизма в центре Европы. Картина заката и краха системы социальных институтов, получившей в XX веке столь масштабное распро-

странение под названием "социалистическая экономика", не должна заслонять более широкой исторической перспективы. Ведь структура эта отнюдь не была только плодом идеологических недоразумений.

Идеологическая традиция биполярного мира ("капиталистический лагерь - социалистический лагерь") и сегодня причудливо деформирует массовое экономическое сознание в постсоциалистических странах. Отсюда и постоянные апелляции к практике, уровню жизни передовых государств (в обоснование завышенных потребительских ожиданий) и идеализация досоциалистической хозяйственной реальности. У специалистов-современников тот факт, что большая часть стран, вошедших впоследствии в состав социалистического блока, существенно отставала от экономически доминирующего центра и сталкивалась с долгосрочными хозяйственными трудностями, сомнений не вызывал[5]. А сложнейшие проблемы догоняющего развития, запоздавшей индустриализации, пока еще определяющие социальную динамику на преобладающей части земного шара, постоянно воспроизводят предпосылки социалистической или квазисоциалистической экономической политики.

Крайне неравномерное распределение доходов - болезнь, с которой капиталистическое общество учится хоть как-то справляться лишь на высоком уровне развития, дойти до которого удается отнюдь не всем. Вымывание среднего класса, формирование регионов застойной бедности, где низкий уровень доходов предопределяет низкокачественное образование, ограниченную социальную и территориальную мобильность, логика устойчивых, растягивающихся на десятилетия перераспределительных конфликтов - давно стали классическими сюжетами соответствующих экономических дисциплин.

Хорошо известно, что общая социально-политическая нестабильность проявляется во вспышках высокой инфляции, перемежающихся периодами стабилизационной политики[6]. Известно и то, что резкие колебания темпов роста всех номинальных параметров (цена, заработная плата, ставки процента, валютный курс и т.д.) делают результаты долгосрочных капиталовложений непредсказуемыми и переключают предпринимательскую инициативу из производственной сферы на инфляционно-финансовые спекуляции[7].

Высокие темпы инфляции, общая экономическая нестабильность снижают стимулы к частным сбережениям, а неразвитость рынков капитала ограничивает возможности использования частных сбережений для продуктивных вложений в национальную экономику.

Это как раз те проблемы, с которыми постсоциалистические страны в той или иной мере столкнулись. Причем вызванный объективными потребностями модернизирующегося общества рост нагрузки на государственный бюджет разительно контрастирует у них со слабой налоговой базой[8]. Скудные национальные сбережения вовлекаются в финансирование бюджетного дефицита. Капиталовложения в инфраструктуру, в том числе социальную, недостаточны для ее устойчивого развития.

В данной ситуации необходимо учитывать, что избыточная опора на внешние источники финансирования при неразвитости современного экспортного сектора и неэластичности по доходам внешнего спроса на товары традиционного для них экспорта крайне опасна, поскольку ведет к накоплению задолженности и воспроизводству зависимости. С точки зрения интересов национальной экономики[9], усилия по наращиванию экспорта оказываются малопродуктивными. Попытки же отказаться от импортной продукции, заменить ее собственной путем создания за жестким таможенным барьером и при финансовой поддержке государства отечественных предприятий обрабатывающей промышленности, работающих на карликовый внутренний рынок, обрекают их на хроническую неэффективность и зависимость от государственного патернализма.

Разумеется, названные проблемы отнюдь не являются фатальными. Опыт новых индустриальных стран Азии, в основном успешно справившихся с ними, сумевших обеспечить макроэкономическую стабильность и высокие темпы роста капиталовложений, прорваться на рынки готовой высокотехнологичной продукции развитых государств, - самое наглядное тому свидетельство[10]. Так же, как, впрочем, пример Латинской Америки - региона, в котором долгосрочная стагнация и абсолютное падение производства стали следствием неспособности социально-экономических институтов урегулировать обозначенный выше комплекс противоречий[11], - показывает: продекларированная верность капиталистическим ценностям отнюдь не является достаточным условием процветания.

II

Экономическая история последних двух веков - рассказ о том, как страны и регионы решали вставшие перед ними сложнейшие задачи индустриального развития, какие для этого институты создавали, насколько эффективными и устойчивыми они оказались.

В России, где на смену ветхим структурам архаичного царского режима, оказавшимся не способными урегулировать острый социальный конфликт вокруг земельной собственности и не выдержавшим бремени крупномасштабного государственного финансирования индустриализации и мировой войны[12], пришло выигравшее кровавую гражданскую войну правительство радикальных социалистов. Общие контуры его хозяйственной стратегии оказались предопределенными не столько марксистскими догмами (значительная их часть почти сразу была отброшена как нереалистичная), сколько логикой всемерного ускорения экономического роста. Именно этой задаче с мессианским энтузиазмом и решительностью были подчинены ресурсы страны.

Социалистическое государство, обладающее мощным аппаратом контроля и подавления, оказалось способным обеспечить масштабную налоговую мобилизацию финансовых ресурсов. Это позволило за счет государственных средств устойчиво поддерживать национальную экономику на высоком уровне. В результате добровольные частные сбережения перестали быть весомым фактором, определяющим объем и динамику инвестиций. Радикальная ломка предреволюционной социальной структуры, независимость национальных сбережений от накопления капитала частью населения, имевшей высокие доходы, создали широкие возможности для проведения эгалитарной распределительной политики. При всех реальных привилегиях новой элиты ограниченная имущественная дифференциация, гладкое, по сравнению с доминирующими в развивающихся странах стандартами, распределение доходов, относительно высокая социальная мобильность, а не только сила репрессивного аппарата, работали на политическую устойчивость режима и эффективность официальной идеологии.

После инфляционных всплесков, сопровождавших первые этапы социалистической индустриализации, макроэкономическая стабильность поддерживалась на высоком уровне, редком в развивающихся странах с неконвертируемой валютой. Тем более что подавление любой независимой профсоюзной активности и относительно эффективное замораживание цен на массовые потребительские товары позволили обеспечить действенный контроль за динамикой номинальной заработной платы. Как следствие, темпы роста основных денежных агрегатов надолго застыли на стабильно низком уровне.

Все это было характерно и для других социалистических стран. Крупные финансовые ресурсы, сконцентрированные в руках государства, социально-политическая и макроэкономическая стабильность, единое экономическое пространство в рамках блока, опирающееся на природные ресурсы СССР, открыли перед ними беспрецедентные возможности по проведению импортозаменяющей индустриализации, о которой не могла мечтать ни одна развивающаяся страна. И как масштабное воплощение такой политики, проводившейся в течение десятилетий, - специфическая структура социалистических экономик, со всеми ее современными парадоксами и перекосами.

Конечно, столь существенное расширение свободы макроэкономического маневра не достигается даром. Социалистические страны заплатили за него ограничением роли рынков во всех хозяйственных процессах, общим снижением эффективности микроэкономического регулирования. На смену обмену - доминирующей форме связей в рыночной экономике - приходят отношения принуждения[13]. Традиционную роль денег в обеспечении ресурсопотоков начинают исполнять прямые властные распоряжения. Отсюда - прогрессирующая бюрократизация хозяйственной жизни, атрофия инновационной деятельности, нарастающая структурная ригидность.

В такой системе хозяйствования с течением времени увеличение объема накопления перестает компенсировать снижение его эффективности, темпы экономического роста затухают. Подавленные на десятилетия распределительные конфликты вырываются на поверхность, подрывая действенность контроля инфляции. В силу этого финансирование экономического развития (и сохранение социального мира) все в большей мере зависит от внешних источников и перипетий конъюнктуры мирового рынка топливно-сырьевых товаров.

Утрата для общества идеологической привлекательности социалистической парадигмы и рост коррупции в органах власти идут рука об руку. Правящие элиты утрачивают уверенность в себе, своей политике. Начинаются периоды либеральных исканий и реформ, которые всегда предельно опасны для устойчивости авторитарных режимов[14].

III

В социально-экономической системе, опосредующей оборот ресурсов прямыми актами государственной правящей партии (лимиты, фонды, разнорядки и т.д.), кризис власти эквивалентен по краткосрочным экономическим последствиям кризису денежного обращения в рыночной экономике. Широкое развитие бартера в постсоциалистическом хозяйстве - еще не традиционный симптом денежной гиперинфляции (до этой стадии большинство не дошло), а наглядное проявление феномена, который, пользуясь терминологией Т.Парсонса, можно назвать гиперинфляцией власти. Причем потеря органами правящей партии способности решать задачи организации разгрузки вагонов, мобилизации сезонной рабочей силы на уборку урожая или выделения материальных ресурсов для ремонта теплосетей отнюдь не идет рука об руку с формированием предпосылок, позволяющих выполнять те же функции адекватными рыночной экономике способами. Никто и нигде не ждет появления свободных цен, устойчивых денег и развитой рыночной инфраструктуры, чтобы убрать ослабевший авторитарный режим от власти.

Начало падения производства - естественное следствие экстренного демонтажа традиционного механизма микроэкономического регулирования, функции которого лишь постепенно начинает выполнять рынок. Самое масштабное и драматическое проявление порождаемых этим процессом конфликтов - форсированное свертывание торговли между странами бывшего социалистического блока, ставшее неизбежным после распада его политической структуры. Но при всей сегодняшней болезненной остроте проблем, порожденных временным вакуумом в сфере микроэкономического регулирования, для долгосрочных перспектив постсоциалистических стран куда большее значение имеет радикальная ломка макроэкономической модели, обслуживающей их развитие на протяжении предшествующих десятилетий[15]. Ведь эгалитарное распределение доходов, масштабные государственные инвестиции и импортозаменяющая индустриализация сформировали (и не могут не сформировать) структуры, способные в течение долгосрочного периода воспроизводить хозяйственную нестабильность.

Эрозия налоговой системы, падение доли государственных доходов в валовом национальном продукте[16], широкий простор для популистской экономической политики ("государство должно отдать долги народу"), экспансия социальных расходов[17] - естественная реакция на крушение репрессивных режимов. В СССР, на фоне войны законов, эти процессы приобрели экстремальные формы, к тому же их общая логика явно выходит за рамки перипетий текущей политической борьбы и национальной специфики. Прогрессирующая финансовая слабость государства заставляет направлять значительную часть и так не слишком масштабных добровольных сбережений населения[18] и эмиссионные доходы на финансирование текущего дефицита бюджета.

Диспропорция между потребностями в массированных капиталовложениях для перестройки архаичной структуры экономики и резко сократившимися внутренними источниками их финансирования - фактор, предопределяющий долгосрочные перспективы увеличения внешней задолженности и (или) относительно низкие темпы экономического роста в регионе. Причем завышенные надежды на массированное привлечение прямых зарубежных инвестиций явно не учитывают повсеместно слабую реакцию представителей Запада на возможность их вложения в условиях сохраняющейся макроэкономической нестабильности[19].

Уже опыт экономических реформ в рамках социалистической экономики продемонстрировал и неизбежно порождаемый ими рост дифференциации доходов, и крайне болезненную социальную реакцию на углубление неравенства[20]. Доступная статистика пока недостаточна для достоверных суждений об изменении распределения доходов в постсоциалистических странах. Однако развитие демонстративного потребления высокодоходных групп населения явно воспринимается общественным мнением как свидетельство растущего социального расслоения. А отсутствие традиционной легитимации имущественной дифференциации, связь "новых богатых" с нелегальным сектором и правящей коммунистической элитой, глубоко укоренившиеся эгалитарные стереотипы делают реакцию на рост неравенства крайне болезненной.

Ослабление контроля за номинальными денежными доходами населения - первое и самое наглядное проявление кризиса социалистических политических институтов, утраты ими способности подавлять или регулировать перераспределительные конфликты. Повсеместное повышение темпов роста номинальной заработной платы, углубление финансовых диспропорций, экспансия денежной массы, временное повышение доли вынужденных сбережений населения, затем ускорение открытой инфляции - вот черты, характерные для периода ослабления и ухода коммунистических правительств. К тому же в этих странах, в отличие от развитых рыночных экономик, исполь-

зование инфляционных факторов не переломило ситуации и не стало стимулом развития: разгон инфляции идет на фоне стагнации и падения производства. А за ее торможение и финансовую стабилизацию, как и везде, приходится платить дальнейшим сокращением выпуска и занятости.

Эта несимметричность, хорошо известная по опыту "третьего мира", явно прослеживается в постсоциалистических странах. Сохранение народнохозяйственных структур, созданных в СССР, Восточной Европе, было возможным лишь до тех пор, пока существовал экономически и политически доминирующий центр, способный обеспечить соответствующие ресурсопотоки. Закономерная реакция на его распад - фрагментаризация экономического пространства, формирование протекционистских барьеров на субнациональных уровнях.

Значительная часть предприятий отраслей обрабатывающей промышленности и в СССР, и в странах Восточной Европы при расчетах по мировым ценам (как за производимую ими продукцию, так и за потребляемое сырье и комплектующие) оказывается производителями отрицательной чистой продукции. При любом уровне валютного курса они неконкурентоспособны. Обеспечить продолжение их деятельности, доступ к сырьевым ресурсам без таможенной защиты невозможно. События 1990-1991 годов, когда советский сырьевой экспорт, все в большей мере обходя Восточную Европу, устремился на рынок развитых капиталистических стран, могут в еще больших масштабах повториться с советской обрабатывающей промышленностью. При крайне ограниченной свободе маневра - между угрозой спазматического свертывания национальной промышленности и консервации за таможенными барьерами архаичной народнохозяйственной структуры, обрекающей страну на отсталость, - избежать появления масштабной безработицы, образования районов с застойными излишками рабочей силы невозможно. В то же время глубоко укоренившаяся традиция полной занятости делает социально-политический риск, связанный с таким развитием событий, существенным.

Рыночный социализм - его идея зародилась в начале века и стала особенно популярной в шестидесятых годах - вырос из надежды соединить социальную справедливость, макроэкономические стабильность и динамизм, представлявшиеся очевидными свойствами социалистической экономики, с микроэкономической эффективностью денежных регуляторов. К 1980 году, когда вполне выявилось нарастание склеротических явлений в народном хозяйстве СССР и стран Восточной Европы, ее авторитет заметно упал. А в восьмидесятых годах крушение коммунистических режимов резко и неожиданно бросило огромный регион в объятия реального рыночного социализма, сочетающего макроэкономическую нестабильность и острую недостаточность микроэкономического регулирования. Стало очевидным, что экономической платой за обеспечение социализмом индустриального динамизма является не только постепенное угасание темпов роста, но и комплекс непростых проблем, встающих на пути стран, пытающихся вернуться на путь стабильного развития рыночного хозяйства.

IY

Общеэкономические рекомендации, которые специалисты могут предложить в подобной ситуации, к сожалению, слишком напоминают уговоры врачей не пить и не курить: они правильны, банальны и малопродуктивны. Чтобы такие советы имели смысл, нужны как минимум воля, способность твердо им следовать. В экономике - наличие властных структур, способных проводить осмысленную хозяйственную линию. Однако в период кризиса и крушения коммунистических правительств именно на это труднее всего рассчитывать. В большинстве случаев приходящие им на смену силы не имеют надежной организационной базы, связаны (ограничены) противоречивыми интересами и популистскими обещаниями, обладают крайне малой свободой маневра[21].

Формирование же общественных коалиций, объективно заинтересованных в проведении ответственной экономической политики, столь значимой для успеха стабилизационных усилий, в постсоциалистической социальной среде является нетривиальной задачей и, по меньшей мере, требует времени. Это хорошо видно на примере принципиального в переходный период вопроса о последовательности финансового оздоровления и либерализации цен. В частности, целесообразность первоочередных мер по сдерживанию совокупного спроса для подавляющего большинства грамотных экономистов самоочевидна, как и то, что за остановку уже разогнавшейся открытой инфляции придется платить дороже, чем за превентивную макроэкономическую сдержанность (подобные советы присутствуют и во всех рекомендациях международных финансовых организаций посткоммунистическим правительствам). Политики новой, демократической волны легко

учатся повторять соответствующие словесные обороты, но чаще всего не способны что бы то ни было сделать для их воплощения в жизнь: рычаги контроля и над основными финансовыми пропорциями, и над ценами утрачены.

Приводимые ниже суждения о направлениях ответственной экономической политики, предопределяемых логикой задач, которые предстоит решать в посткоммунистическом периоде, не рекомендации, а лишь возможные точки отсчета в оценке хода преобразования, прогнозировании стабилизационных перспектив для стран региона.

1. Важно максимально сжать временной интервал между утратой контроля над денежной заработной платой, ресурсопотоками и размораживанием цен.

Когда традиционные административные рычаги управления экономикой уже недейственны, но еще не заменены равновесными, возникает крайне непродуктивный феномен подавленно-открытой инфляции[22]. Органы власти своими решениями вынуждены санкционировать повышение цен, не приводящее, однако, к насыщению рынка. Процесс ценообразования политизируется. Быстро накапливающиеся диспропорции между темпами роста затрат и цен на готовую продукцию вызывают волны финансовых кризисов и трудовых конфликтов на предприятиях. Требования повышения цен подкрепляются угрозой забастовок и прекращения отгрузки продукции. Постепенно органы власти осознают, что политические издержки размораживания цен и высокой открытой инфляции в такой ситуации меньше, чем попыток удержать административный контроль над ними.

Большинство восточноевропейских стран после периода колебаний сделало решительные шаги в направлении либерализации цен в конце 1990 - начале 1991 года. В СССР комплекс симптомов подавленно-открытой инфляции также проявился в полной мере. Тема либерализации к лету 1991 года твердо обосновалась в многочисленных стабилизационных программах, но практические шаги в этом направлении пока ограниченны.

2. Поскольку длительный разгон открытой инфляции увеличивает плату за стабилизацию, этот период целесообразно сократить, насколько позволяют политические обстоятельства.

В посткоммунистической экономике, как показано выше, открытая инфляция каких-либо стимулирующих функций не выполняет. При всех издержках классической гиперинфляции ее разовый всплеск на фоне традиции денежной устойчивости, как правило, не оставляет долгосрочных последствий. Свидетельство тому - опыт возврата Европы к мирному хозяйству после первой и второй мировых войн. Напротив, постепенная адаптация общества к хронически высоким темпам роста цен и распространение набора соответствующих институтов накладывают серьезный отпечаток на общие контуры долгосрочного хозяйственного развития, постоянно воспроизводят экономическую нестабильность, делают дезинфляцию особо долгосрочным и дорогостоящим процессом. Чем дольше период открытой инфляции после крушения иерархической экономики, чем прочнее укореняются индексационные механизмы, тем сильнее инфляционная инерция и выше плата, которую придется заплатить за стабилизацию падением занятости и сокращением объема производства.

Пример Польши, где ортодоксальная стабилизационная программа была адаптирована к местным условиям, показал тем, кто в этом сомневался, что инфляция в постсоциалистических экономиках реагирует на меры по ограничению совокупного спроса предсказуемо и стандартно[23]. Успех в борьбе с ней, как и повсеместно, зависит в первую очередь от политической воли и лишь во вторую - от технического совершенства в разработке существенных деталей (выбор уровня валютного курса, форм его регулирования, обоснованности и предела использования политики доходов и т.д.).

Венгерское посткоммунистическое правительство унаследовало от реформированной социалистической экономики либеральную систему цен и относительно низкие темпы инфляции (правда, в 1990 году они возросли с 18 до 30%). Однако там классическая задача торможения умеренной инфляции осложняется широким развитием индексации. В Чехо-Словакии скачок цен после их размораживания в январе 1991 года (45% в месяц) сменился существенным падением темпов открытой инфляции, что отражало достаточную эффективность рестрикционной денежной политики, проводившейся коммунистическим правительством, и умеренный уровень финансовых диспропорций, образовавшихся после его крушения. Румыния и Болгария весной 1991 года на фоне

резкого падения производства лишь вступили в период ускоренной открытой инфляции. Здесь вся плата за стабилизацию впереди. В СССР неурегулированность отношений органов власти разного уровня по поводу распределения сфер компетенции в денежной и финансовой областях делает шансы на проведение осмысленной стабилизационной политики в ближайшей перспективе пренебрежимо малыми.

3. Сохранение активной роли государств в образовании национальных сбережений и финансировании инвестиций - необходимое условие возобновления устойчивого экономического роста в посткоммунистических странах.

СССР и страны Восточной Европы составляют тот регион, в котором политика позитивного сальдо государственного бюджета (при значительном объеме государственных капиталовложений в инфраструктуру) оправдана не только с точки зрения текущих стабилизационных задач, но и как среднесрочная линия, обусловленная сохранением унаследованной от социалистической экономики традиции низких добровольных частных сбережений. К тому же система мобилизации бюджетных доходов у данных стран к условиям рыночной экономики не приспособлена и имеет неэластичную структуру. Уже сейчас видны проявления эффекта Оливейра-Танзы: падение доли доходов государства в ВНП с ускорением инфляции из-за эрозии налоговой базы и временных лагов[24].

Перестройка налоговой системы и расширение доходной базы бюджета, обеспечивающие опережающий рост государственных доходов при ускорении инфляции, - вот минимально необходимые предпосылки финансовой устойчивости.

Но и в случае осуществления эффективной налоговой реформы доля государства в ВНП не вырастет, а по сравнению с предельно высоким уровнем социалистического периода неизбежно снизится. Отсюда значимость долгосрочной разгрузки бюджета от непродуктивных расходов. Из крупных, макроэкономически значимых это, в первую очередь, субсидии и затраты на оборону. Элементарный анализ бюджетных перспектив рассматриваемых стран показывает, что они имеют шансы восстановить экономический рост, лишь сократив расходы по названным направлениям до величины, не превышающей в сумме 8-10% ВНП.

К лету 1991 года налоговые реформы в рассматриваемой группе стран почти повсеместно находились лишь в начальной стадии. Значительно продвинулась к современной фискальной системе лишь Венгрия, унаследовавшая налог на добавленную стоимость от преобразований, осуществлявшихся в последние годы социалистическим правительством. В СССР же, где доля традиционных бюджетных доходов в ВНП быстро падает, а попытки введения эластичных по темпам инфляции источников государственных доходов (налог с продаж) по политическим причинам провалились, перспективы стабилизации доходной базы бюджета выглядят особенно мрачно.

В рамках усилий по финансовому оздоровлению восточноевропейские страны предприняли шаги по сокращению доли непродуктивных расходов в ВНП. В СССР основная тяжесть вынужденного сокращения бюджетных ассигнований пока ложится на государственные централизованные капиталовложения, в том числе по таким принципиально важным направлениям, как энергетический сектор и инфраструктура.

4. Стимулирование повышения доли частных сбережений в ВНП - важнейший фактор, определяющий долгосрочные перспективы развития региона.

Уровень добровольных частных сбережений в постсоциалистических странах пока повсеместно слабо реагирует на любые управляющие воздействия органов власти[25]. Известно, что определяющее влияние на него оказывают социальные традиции, в данном случае они неблагоприятны. Государство может влиять на уровень денежных сбережений, лишь устраняя факторы, их дестимулирующие (резкие колебания номинальных параметров, недостаточная реальная ставка процента). Более того, в странах региона эта в высшей степени значимая задача дополняется необходимостью демонтажа унаследованных институтов, систематически занижающих уровень частных сбережений в социалистической экономике. Так, массовое государственное жилищное строительство, нереалистично раннее пенсионирование, доминирующее государственное здравоохранение, массовое бесплатное высшее образование - одновременно повышают финансовую нагрузку на бюджет, не

17. В 1985-1987 гг. в СССР среднегодовой прирост расходов бюджета на социально-культурные нужды (без расходов на науку, повышение пенсий) составил около 6 млрд руб. В 1991 г. их предполагалось увеличить на 50 млрд руб.

18. В 1985 г., т.е. еще до начала инфляционного процесса, доля сбережений домашних хозяйств в ВНП составляла 3,1%. *A Study of the Soviet Economy*. Paris. 1991. Vol.1. P.97.

19. *Adjustment Lenders Policies for Sustainable Growth. The World Bank.* Washington. 1990. P.88.

20. E.Ahmad, Y.Wand. *Inegality and Poverty in China: Institutional Change and Public Policy*, 1978 to 1988. *The World Bank Economic Review.* 1991. Vol.5. N 2. P.231-257.

21. Польша, где посткоммунистические структуры власти унаследовали героическую легитимацию "Солидарности", является очевидным исключением; остающееся формально (до августа 1991 г.) коммунистическим правительство СССР было уже явно лишено традиционных инструментов социально-политического контроля и идеологических ограничений и по своему положению и возможностям маневра близко к посткоммунистическим правительствам Восточной Европы.

22. Г.Колодко и В.Мак-Магон назвали его Shortageflation. См.: G. Kolodko, W.McMahon. *Stagflation and Shortageflation: A Comprative Aproach.* Kyklos. 1987. Vol.40. N 2. P.176-197.

23. S.Fisher, A.Geeb *Issues in Socialist Economy. Report. The World Bank*, Wps 565. Washington. 1990. December.

24. J.Olivera. *Money Prices and Fiscal Lags: A Note on the Dinamics of Inflation. Banca Nationale del Lavoro, Gucrtely Review*. 1967. Vol. 20.

25. См., например, A.Giovannini. *Saving and Real Interest Rates in LDC. Journal of Developing Economics*. 1985. Vol.18.

26. B.Milanovic. *Liberalization and Entrepreneurship. Dynamics of Reform in Socialism and Capitalism.* N.Y. 1989.

27. Названные процессы уже начали проявляться на фоне экономического застоя последних лет социалистической экономики. См. B.M. Lanobic. *Poverty in Eastern Europe in the Years of Crisis. 1978 to 1987. Poland, Hungary, Yugoslavia. World Bank Economic Review.* 1991. Vol. 5. N 2. P. 187-206.

28. H.Hughes. *Toward Clearity and Common Sense - Lessons in Development. A Comparative Study of Asia and Latin America.* San Francisco. 1989. P. 261.

29. *A Study of the Soviet Economy. IMF, the World Bank, OECD, EBRD.* Paris. 1991. Vol. 1-3. European Economy. 1990. N 45.